

ЭТЮДЫ О ВЕЛИКОМ (34) *Конец правды. -* *1994-17 дек. - с.2.* **Рафаэль**

У него было какое-то не-
складное, дерганное детство.
Мама умерла, когда ему было 8
лет, отец снова женился, но
вскоре тоже умер. Отец был
средненьким придворным жи-
вописцем местного герцога, но
понял, что сын талантлив и его
надо учить живописи. Теперь,
когда отца не стало, опекуны —
дядя и мачеха — бесконечно
ссорились. Таскали его по су-
дам, и он был рад, когда дядя,
наконец, отправил его учиться
в соседний городок к известно-
му художнику Пьетро Перуд-
жино. Перуджино был худож-
ником холодноватым, статич-
ным, он не мог писать иначе, но
как надо писать — знал. Такое
бывает. Наш Алексей Саврасов
(«Грачи прилетели») был несрав-
ненно более талантливым учи-
телем, чем живописцем. Перуд-
жино много дал юному Рафаэ-
лю, начиная от смешивания
красок до законов перспекти-
вы, которые только рождались
тогда. Перуджино работал мно-
го, Рафаэль подмелевывал ря-
дом, сегодня искусствоведы
спорят, какая голова или фигу-
ра написана учителем, а какая
учеником, тогда они еще были
похожи. Но еще лучшей шко-
лой стала для него Флорен-
ция — столица муз Возрожде-
ния — Флоренция Данте и
Петрарки, Боккаччо и Джотто,
Брунеллески и Донателло, на-
конец, Микеланджело и Лео-
нардо да Винчи. В разных кни-
гах дается много толкований о
том, кто и как повлиял на твор-
чество Рафаэля. Да все повлия-
ли! На Пушкина повлиял и
Державин, и Жуковский, и Ка-
рамзин, но Пушкин-то един-
ственный! Бесконечный поиск
истин в окружающей природе,
столь характерный для Лео-
нардо, был чужд Рафаэлю. Еще
более далек ему был Микелан-
джело с его испульсностью
борца с людьми, с мрамором,
с самим собой. Микеланджело
Рафаэль не любил. Уже в Ри-
ме, знаменитым, однажды шел
он, как всегда, в окружении
учеников и повстречал одино-
ко бредущего сгорбленного
старика, который бросил ему с
ухмылкой:

— Вы, как генерал со свитой...

— А вы одинок, как па-
лач,— дерзко ответил Рафаэль.

Да, не любил! Но что из то-
го! Главное, оба понимали ве-
личие друг друга, понимали,
чего они стоят. Когда по прось-
бе ватиканского вельможи Ав-
густина Чиги Рафаэль догово-
рился сделать ему несколько
фресок за 500 экю, а выполнив
работу, потребовал удвоить
сумму, Чиги, естественно, воз-
мущился.

— Приглашайте экспертов,—
предложил Рафаэль,— пусть они
оценят...

Хитрый Чиги был в курсе
взаимоотношений художников
и пригласил Микеланджело.

Тот пришел, хмуро все ог-
лядел и пробурчал:

— Да о чем вы говорите?
Одна эта голова стоит 100 экю!

Их объединили под общей вы-
веской «Титаны Возрождения»,
а они такие все разные... Ра-
фаэль, хоть и нагрубил Буана-
рроти, отличался характером
мягким, если не сказать крот-
ким. Со всеми ладил: с Урбин-
ским герцогом, с главными сво-
ими заказчиками: римскими па-
пами Юлием II и Львом X, имел
бездну друзей, обожал веселые
застолья, был таким милым,
безотказным... И в то же вре-
мя не берусь назвать другого
человека (разве Пушкин?), ко-
торый бы сумел сделать столь-
ко замечательного за 37 лет
жизни.

Он работал много, но легко,
без надрыва. Один современ-
ный итальянский художник го-
ворил, что Рафаэль велик своей
простотой, что в его живописи
нет тайн. Есть!

Последнюю законченную
свою работу — великую «Сик-
стинскую мадонну» — Рафаэль
писал для нищего монастыря
святого Сикста в Пиаченце.
Судьба этой картины — при-
ключенческий роман. Она после
войны и в Москве несколько
лет «гостила». Я ее долго раз-
глядывал. В ней — великая тай-
на. Мадонна совершенно ста-
тична, но смотришь, а она к те-
бе идет. И ничего глаза ее вро-
де бы не выражают, но с такой
тоской видит она бесконечное
пространство, которое заберет
у нее ее сына! А мальчик!
Взгляд ребенка, но ведь он уже
все знает, что с ним будет.

После смерти великого архи-
тектора Браманте папа Лев X
поручил Рафаэлю заняться со-
бором святого Петра. Идея со-
бора увлекала Рафаэля, но была
у него потаенная мечта: вер-
нуть Риму его былую антич-
ную красу. Реставрировал, ко-
пал, лазал по катакомбам. Там
он и простудился. Умер от вос-
паления легких 6 апреля 1520
года: ровно в 37 лет. По леген-
де, Форнарина — дочь булоч-
ника, с которой он жил, — ис-
чезла в день его смерти. И лю-
ди говорили, что Форнарина —
не дочь булочника, что Форна-
рина — муза Рафаэля.

Ярослав ГОЛОВАНОВ.